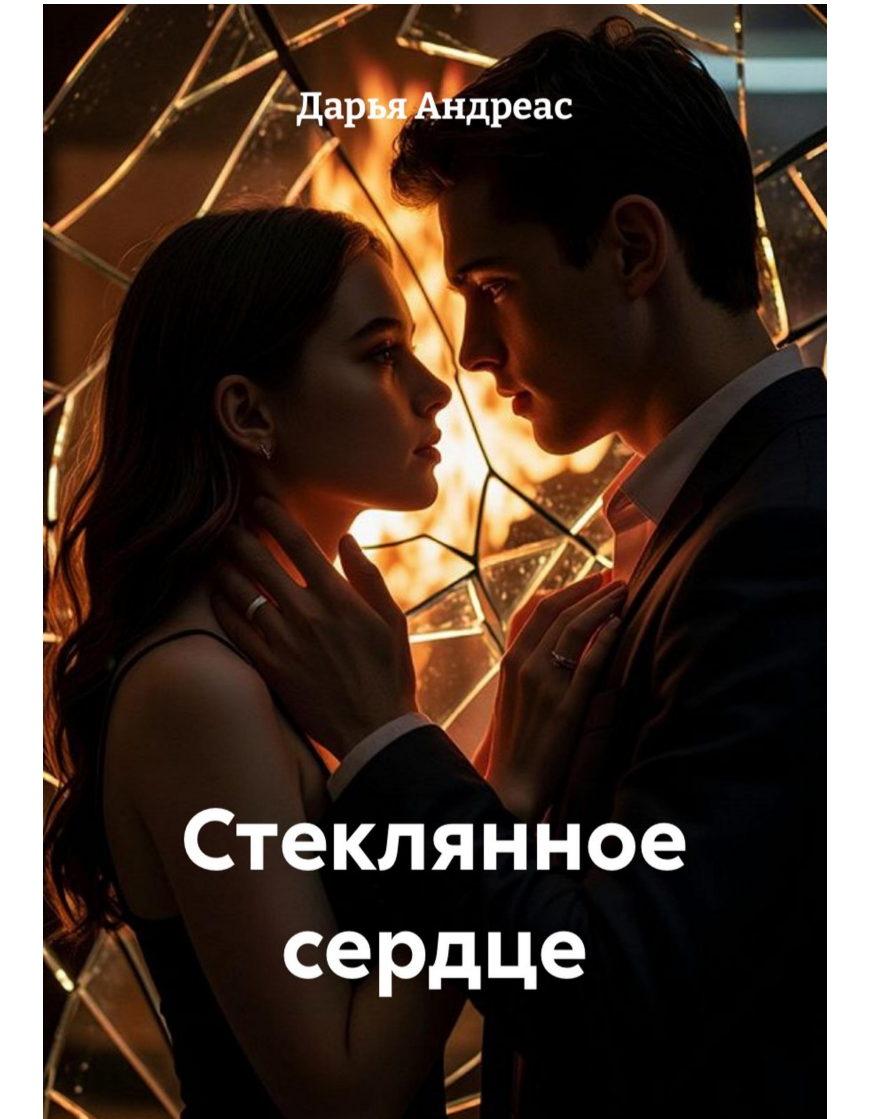

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The man, on the right, is wearing a dark suit and a red shirt. The woman, on the left, is wearing a black dress. They are both looking at each other with intense expressions. The background is a dramatic scene of shattered glass, with bright orange and yellow light emanating from behind the fragments, creating a fiery, apocalyptic atmosphere. The overall mood is one of passion and danger.

Дарья Андреас

Стеклянное сердце

Дарья Андреас

Стеклянное сердце

<https://litres.ru/74483904>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — тихая жертва домашнего насилия. Он — школьный хулиган с разбитой душой. Их запретная страсть — тайна, за которую платят болью. Когда ложь и предательство разбивают их стеклянные сердца, у них остается только один выбор: сгореть вместе или научиться любить сквозь осколки.

Содержание

Глава 1	4
Серая мышь	4
Глава 2	9
Пепел	9
Глава 3	16
Контакт	16
Глава 4	21
Ссора	21
Глава 5	26
Примирение	26
Глава 6	30
Удар в спину	30
Глава 7	35
Призрак прошлого	35
Глава 8	41
Прощание	41
Глава 9	47
Год без тебя	47
Глава 10	54
Возвращение	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Стеклянное сердце

Глава 1

Серая мышь

Пахло сыростью, резиной и дешевым дезодорантом, которым залили весь спортзал. Аня стояла у самой стены, пытаясь слиться с ней, стать частью бетонной поверхности. Каждую пятницу у них был волейбол, и каждую пятницу это превращалось в ад. Мяч прилетал точно в неё, как по наводке.

— Забелина, ты спишь? — орала физручка. — Руки выше!

Аня подпрыгнула, чувствуя, как от удара о мяч немеют ладони. Очки съехали на кончик носа. Она поправила их дрожащей рукой. Со стороны донесся звонкий смех. Девчонки из основного состава — Лика, Соня, Алина — смотрели на неё с брезгливым весельем. Идеальные локоны, блестящие ногти, шорты настолько короткие, что на них невозможно было смотреть без краски стыда.

— Забелина, а ты че, в зимней куртке на волейбол пришла? — крикнул кто-то сзади. — Или под ней прячешь что-то?

Аня машинально запахла свой безразмерный серый ба-

лахон, хотя в зале было плюс двадцать. Она носила его всегда. В нем было безопасно. В нем не видно ни груди, ни бедер, ни синяков на плечах от папиных пальцев. Если не видно, значит, не существует.

Игра кончилась. Аня схватила рюкзак и бросилась в раздевалку, пока остальные толпились у душевых. Ей нужно было успеть выскользнуть до того, как в коридоре начнется столпотворение из старшеклассников.

Но она опоздала.

Лестница на второй этаж была перекрыта. Там стояли парни — вся баскетбольная команда во главе с Ветровым. Денис Ветров. Она старалась не смотреть на него. Высокий, черные волосы, глаза такого темно-карего цвета, что казались почти черными. Он стоял, прислонившись плечом к стене, и лениво улыбался. Все девочки в школе сохли по нему, даже учительницы смотрели с придыханием. Он был капитаном, красавчиком, гением. Но Аня знала, что он монстр. Она видела в прошлом году, как он сломал нос парню, который случайно задел его плечом в коридоре. Денис потом извинился, но улыбался при этом так, что у свидетелей стыла в жилах кровь.

— Смотрите, кто ползет, — сказал Миша Круглов, загораживая ей путь. — Очкарик! Что, на уроке двойку схватила?

— Пустите, — тихо сказала Аня, вжимая голову в плечи.

— Не слышим! — засмеялись они.

Аня пыталась пройти, но её рюкзак зацепился за руку одного из них, и все содержимое с грохотом посыпалось на пол. Тетради, пенал, грязные кроссовки, и самое страшное — пачка прокладок, которые она с утра купила в аптеке. Парни заржали, как стадо. Кто-то поднял пачку, кинул её по кругу, как мяч.

— О, забелиновские дела!

Аня опустилась на корточки, собирая вещи, чувствуя, как краснеет до корней волос. Глаза начало жечь от унижения. Она мечтала провалиться сквозь бетонный пол. И тут тяжелые шаги приблизились. Парни расступились. Перед Аней выросла массивная фигура. Она не поднимала головы, но узнала запах — дорогой древесный парфюм, смешанный с потом.

— Кончайте цирк, — сказал Ветров. Голос низкий, спокойный, но в нем не было и тени просьбы.

— Да мы че, Дэн, мы пошутили, — замялся Круглов. — Я сказал, валите отсюда, — чуть повысил голос Денис.

Парни мгновенно испарились, как будто их ветром сдуло. Аня застыла на полу, не смея поднять головы. Денис присел перед ней на корточки. Она видела его джинсы, дорогие кроссовки. Он протянул руку и взял пачку прокладок, до которой Аня никак не могла дотянуться. Положил ей прямо в рюкзак.

— Ты чего трясешься? — спросил он. В его голосе не было злобы. Только странное любопытство.

— Отвали, — прошептала она, быстро застегивая молнию.

Аня вскочила на ноги, наконец подняла глаза. Он стоял в двух сантиметрах. Она уперлась взглядом в его ключицы, виднеющиеся из-под расстегнутой рубашки, и почувствовала, как воздух в легких стал вязким. От него пахло грозой и свободой.

— Ты всегда такая дерзкая, когда тебя спасают? — спросил Денис, наклонив голову.

— Ты не спасаешь, ты просто хочешь казаться героем перед своими же, — выпалила она дрожащим голосом. — Я тебя не просила.

Ветров неожиданно ухмыльнулся. Но не своей привычной жестокой усмешкой, а какой-то странной, почти человеческой.

— А ты забавная, Забелина. Иди уже, пока я не передумал.

Аня проскочила мимо него, как выпущенная из лука стрела. Она неслась по коридору, слыша, как стучит сердце в ушах. Она ненавидела его. Ненавидела за то, что он увидел её слабость, за то, что он влез в её личное пространство. Но почему-то в груди жгло что-то теплое, и она не могла понять — злость это или благодарность.

Дома, как всегда, было темно и тихо. Мать сидела на кухне с бутылкой портвейна, тупо уставившись в телевизор. Отец еще не пришел с работы. Аня прошмыгнула в свою комна-

ту, закрыла дверь на щеколду и только тогда выдохнула. Она достала телефон. Уведомление в школьном чате. Кто-то заснял момент с рассыпавшимся рюкзаком и выложил в общий канал. Подписью было: «Забелина обосралась». Куча смеющихся смайлов.

Аня стерла слезы, которые сами собой потекли по щекам. Она подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Серые глаза, бледное лицо, дурацкие кудри, которые она вечно прятала под пучком. Ничего особенного. Ничего, на что можно было бы смотреть с желанием.

Она сняла балахон. На плечах — багровые разводы от сегодняшнего утра. Отец взбесился из-за потерянной сдачи в магазине. Она приложила к синякам холодную ложку, как учила бабушка, и села на кровать, глядя в одну точку.

В голове вдруг всплыло лицо Ветрова. Его глаза, когда он смотрел на неё. Там не было насмешки. Там было что-то темное, жадное, как будто он впервые увидел что-то, что хотел украсть.

— Ты просто больной урод, Денис, — прошептала она в тишину комнаты. — И я тебя ненавижу.

Но внутри, в животе, предательски трепетало странное волнение. Аня выключила свет, натянула одеяло до самого носа и закрыла глаза. Она знала — завтра всё будет как обычно. Он будет её игнорировать, она будет делать вид, что его не существует. Но сегодняшняя ночь почему-то обещала быть долгой.

Глава 2

Пепел

Неделя прошла в тягучем, как патока, ожидании. Аня сама не понимала, чего она ждет. Может быть, очередной подставы? Или того, что Денис расскажет всей школе, как она опозорилась? Но он молчал. Более того, он вообще перестал на неё смотреть. На уроках он сидел на другом конце класса, в коридоре проходил мимо, будто она была стеклянной витриной. Аня злилась. Сама не зная почему.

— Забелина, ты где витаешь? — учитель химии ткнул указкой в её тетрадь. — Формула, ау!

— Простите, Иван Петрович, — пискнула она, быстро переписывая с доски, хотя на самом деле в голове у неё был только один вопрос: «Почему он меня игнорирует? Я же для него пустое место».

На большой перемене Аня мыла колбы в лаборантской по просьбе учителя. Это было её наказание за «невнимательность». Она стояла у раковины, когда дверь резко распахнулась. Вошел Денис. Он был взъерошенный, с красными от бессонницы глазами, и выглядел так, будто только что разнес в щепки пару человек. Он не ожидал её здесь увидеть, и его лицо на секунду дрогнуло.

— Ты чего тут? — спросил он, прикрывая за собой дверь.

— Мою, буркнула она, ненавидя себя за дрожащий голос.

Он прошел вглубь подсобки, сел на старый лабораторный стол, сжав голову руками. Аня покосилась на него. Таким она его никогда не видела. Он не был королём. Он был маленьким мальчиком, который вот-вот сломается.

— Что с тобой? — вырвалось у неё раньше, чем она успела подумать.

— Не твое дело, Забелина.

— Идиот, прошептала она, отворачиваясь.

— Что ты сказала? — он поднял голову, и в его глазах снова вспыхнула та самая опасная темнота. — Повтори.

— Идиот, — громко и отчетливо произнесла она, чувствуя, как сердце колотится о ребра. — Ты думаешь, если ты король школы, то всем должно быть дело до твоих проблем? Пришел тут расселся, драматичный ты наш.

Денис встал. Он двигался медленно, плавно, как хищник. Аня инстинктивно попятилась и уперлась спиной в холодный металл раковины. Денис навис над ней, заблокировав руками с двух сторон.

— Ты совсем страх потеряла? — спросил он, наклоняясь так близко, что она чувствовала его горячее дыхание на своих губах. — Я ведь могу сделать тебе больно. Легко.

— Так сделай, — выпалила она, вскинув на него глаза. — Что ты вечно только грозишься? Трус.

Это была её коронная ошибка. Никто никогда не называл

Ветрова трусом. Он замер. В его черных глазах промелькнуло сначала удивление, потом ярость, а потом... что-то совсем другое. Жадное, голодное, животное.

— Ты даже не представляешь, что ты только что сделала, — прошептал он. — Ты разбудила меня, Забелина.

В следующую секунду он впился в её губы. Это не был нежный поцелуй. Это был поцелуй-наказание, поцелуй-укус. Он требовательно пробовал её на вкус, как иссушенную пустыню, на которую он наткнулся в бою. Аня ахнула, попыталась оттолкнуть его, но он прижал её к себе так сильно, что она почувствовала каждую мышцу его жесткого тела. Её очки слетели и с грохотом упали на кафель.

Она должна была его ударить. Она должна была закричать. Но её пальцы сами собой вцепились в его волосы — жестко, почти больно. И она укусила его в ответ.

— Не смей... — простонала она в поцелуй.

— А ты заткнись, — ответил он, прикусывая её нижнюю губу до крови. Это было лучшим, что она когда-либо чувствовала. Он оторвался от её губ и прижался лбом к её лбу, тяжело дыша.

— Почему ты? — и в его голосе вдруг появилась такая боль, что у Ани сжалось сердце. — Почему я не могу перестать думать о тебе, серая мышь? Ты же никто. Ты просто... тень.

— А ты сам? — выдохнула она, глядя в его глаза с такой ненавистью и любовью одновременно, что мир перестал су-

ществовать. — Король... который боится, что кто-то увидит под короной труху.

— Заткнись, — повторил он, но теперь это прозвучало как мольба.

Денис начал целовать её шею — жадно, голодно, оставляя на нежной коже следы, которые она будет прятать под высоким воротником. Его руки скользнули под её балахон, коснулись ребер. Он чувствовал её удобу, её дрожь.

— Ты вся трясешься, — прорычал он. — Боишься меня?

— Нет, — солгала она. На самом деле она умирала от страха. Не перед ним. Перед тем, что она сейчас скажет. — Денис... я...

— Тебе больно? — спросил он, вдруг резко остановившись, когда его пальцы наткнулись на свежий синяк на её спине, оставленный пряжкой отцовского ремня.

Аня дернулась, как от удара током, и попыталась отодвинуться, но Денис не позволил. Он аккуратно задрал её футболку. Увидел багровую полосу, пересекающую позвоночник. На его лице не осталось страсти. Осталась только белая, холодная ярость.

— Кто? — спросил он так тихо, что это было страшнее крика.

— Не твое дело, — повторила она его же фразу, пряча глаза.

— Аня. — Он впервые назвал её по имени. Так мягко, так осторожно, что у неё по щекам потекли слезы. — Кто

посмел? Скажи мне. Я убью его. Я его просто убью.

— Мой отец, — выкрикнула она, ненавидя себя за эту слабость. — Ты доволен? Я дочь алкаша, который каждый раз, когда у него плохое настроение, срывается на мне. Теперь ты знаешь. Что, противно?

Он не ответил словами. Вместо этого Денис опустился перед ней на колени. Прямо на холодный кафель в этой грязной лаборантской. Он взял её руки, покрытые ссадинами от химикатов, и прижался к ним губами.

— Ты думаешь, я злой? — Ты думаешь, я чудовище? Посмотри на меня, Аня. Мой отец тоже бил меня. Пока однажды не вскрыл себе вены прямо у меня на глазах. Я ходил в школу с зашитым лицом и смеялся, чтобы никто не знал. Я — ты. Просто я выбрал путь делать больно другим, а ты — терпеть.

Он поднял на неё глаза. В них стояли слезы. Он плакал. Самый страшный парень школы стоял на коленях и плакал, целуя её шрамы.

— Никто не узнает, — сказал он. — Я никому не скажу про тебя. И я больше не дам тебя в обиду. Если он еще раз поднимет на тебя руку... я его просто убью, и мне будет плевать на тюрьму.

— Денис... — всхлипнула она.

— Просто скажи, что ты не боишься меня, — попросил он. — Скажи, что я тебе не противен.

— Ты мне не противен, — прошептала она, и это было

чистой правдой. — Ты мне страшен. Потому что я... — она замялась, сглатывая ком в горле. — Я хочу тебя, хотя должна ненавидеть. Я дура?

Он поднялся. Его губы снова нашли её губы. Но на этот раз поцелуй был другим. Медленным. Трепетным. Он целовал так, будто она была сделана из самого дорогого хрустала, который мог разбиться от одного резкого движения. Его руки обхватили её лицо, большие пальцы стирали её слезы.

— Нет, — ответил он в поцелуй. — Ты не дура. Ты — единственная настоящая в нашей школе. И я... боюсь тебя еще больше.

Аня сжала его рубашку в кулаки, притянула его к себе и уткнулась носом в его шею. Пахло парфюмом, потом и нежностью. Мир за пределами этой маленькой, вонючей химической комнаты перестал существовать.

Из-за двери донесся звонок на урок. Реальность ворвалась ледяным душем. Они отпрыгнули друг от друга, как ошпаренные. Аня торопливо натянула балахон, нашарила на полу разбитые очки. Одна линза треснула.

— Я тебя прикрою, — сказал Денис, уже надевая маску ледяного спокойствия, пока поправлял волосы. — Выходи первая. Я через минуту.

— Денис... — Она обернулась у двери. — Сегодня вечером. Встретимся у старого пирса? В восемь.

— Это опасно, — нахмурился он. — Мало ли кто увидит.

— Нам нужно поговорить, — твердо сказала Аня. Впер-

вые в голосе не было страха. — Или ты трус?

Он усмехнулся, и в уголках его губ снова заиграла та самая дьявольская искорка.

— Буду, — коротко бросил он. — И, Аня... надень что-нибудь, что не скрывает тебя. Хотя бы раз. Для меня.

Она выскользнула в коридор, чувствуя, как горят щеки, как дрожат колени, как на губах еще остался его привкус — пепла, соли и отчаяния. Она шла по коридору и впервые в жизни улыбалась. Отчаянно, глупо, безумно.

В её стеклянное сердце кто-то только что впустил настоящий пожар. И она знала — это будет либо спасение, либо ад.

Глава 3

Контакт

Аня выскользнула из дома в десять минут девятого. Отец уже был в стельку пьян и храпел на диване, мать смотрела какой-то сериал, не замечая никого вокруг. Аня оделась в то, что никогда не носила: чёрное облегающее платье, купленное год назад на распродаже, но так и висевшее в шкафу с биркой. Она сняла очки — в них было не видно лица — и надела линзы, которые выпросила у подруги. В зеркале отражалась незнакомка. Бледная, с большими серыми глазами, тонкой шеей и дрожащими губами. Она выглядела почти красивой. Почти привлекательной.

Старый пирс находился на окраине города, за заброшенным заводом. Туда никто не ходил — там пахло тиной и ржавчиной, доски прогнили, и в тёмной воде отражались редкие звёзды. Аня пришла первой. Она стояла у самого края, вцепившись в перила, и пыталась унять дрожь в коленях.

— Ты пришла, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Денис стоял в пяти шагах. Он был без своей обычной хулиганской куртки, просто в чёрной водолазке и джинсах. Дождь хлынул внезапно. Ледяные струи об-

рушились на них, мгновенно намочив волосы и одежду. Аня вскрикнула от холода, а Денис выругался сквозь зубы.

— Бежим! — крикнул он, хватая её за руку. — Там рядом мой дом. Бабушка в больнице, никого нет!

Они рванули по мокрому настилу, перепрыгивая через лужи и гнилые доски. Аня спотыкалась, но Денис держал её крепко, не давая упасть. Ветер хлестал по лицу, волосы прилипли ко лбу, платье промокло насквозь и прилипло к телу, но она бежала и смеялась — впервые в жизни она бежала от дождя не одна, а с кем-то, кто держал её за руку.

Через пять минут они влетели в подъезд старой хрущёвки, забежали на третий этаж, и Денис, трясущимися руками открывая дверь, втащил её внутрь.

Квартира оказалась маленькой, но чистой. Старая мебель, пахло деревом, сухими травами и почему-то пианино, которое стояло в углу комнаты — чёрное, с пожелтевшими клавишами. Аня застыла на пороге, стуча зубами от холода.

— Ты как? — Денис захлопнул дверь, повернулся к ней, и в его глазах мелькнула тревога. — Ты вся дрожишь. Давай, раздевайся, я дам сухое.

Он куда-то исчез, а Аня осталась стоять посреди комнаты, не решаясь снять мокрое платье. Она обхватила себя руками, чувствуя, как холод пробирает до костей. Через минуту Денис вернулся с огромным пушистым халатом и полотенцем.

— Давай, не стесняйся, — мягко сказал он. — Я отвернусь.

Он повернулся к стене, и Аня, дрожа, сняла с себя мокрое платье, которое хлюпало на пол. Накинула халат — он пах им, тем самым древесным парфюмом и ещё чем-то тёплым, домашним. Он огромный, до колен, но ей было тепло.

— Теперь ты, — сказала она тихо. — Ты тоже мокрый.

Он обернулся. Увидел её в своём халате, с мокрыми волосами, спутанными, с красными щеками — и замер.

— Я сейчас, — сказал он и вышел в другую комнату. Через минуту он вернулся уже в сухих штанах и белой майке. Волосы тоже мокрые, взлохмаченные. Он принёс два стакана с горячим чаем и сел на старый продавленный диван рядом с ней. — Согревайся, — он подал ей стакан.

Она взяла его, сжала ладонями, чувствуя, как тепло расплзается по пальцам. Пили молча. Тишина была тягучей, но не неловкой. Только шум дождя за окном и их дыхание.

— Денис, — прошептала она, не поднимая глаз. — Почему ты позвал меня?

Он долго молчал. Потом поставил стакан на пол, повернулся к ней и взял её свободную руку в свои.

— Потому что я понял одну вещь. — Я смотрел на тебя в лаборантской, и когда ты стояла такая испуганная, но гордая... я понял, что если я не попытаюсь, я возненавижу себя. Ты — не как все, Аня. Ты настоящая. А я до тебя ничего настоящего не видел.

Она подняла глаза. В них стояли слёзы.

— А если я сломаюсь? — Я же слабая. Я боюсь всего. От-

ца, школы, даже света.

— Ты сильнее меня, — усмехнулся он. — Ты терпишь то, от чего я бы уже кого-нибудь убил. И ты пришла на этот пирс, не зная, что я сделаю. Это не слабость. Это смелость. Ты не знаешь, какая ты.

Она поставила стакан и протянула руку, дотронувшись до его лица. Мокрые волосы, холодная кожа, тёплые губы. Он прикрыл глаза и поцеловал её ладонь.

— Я хочу тебя, — выдохнул он. — Но если ты скажешь «нет» — я уйду в другую комнату и буду спать на полу. Скажи.

Вместо ответа она потянула его за майку, притянула к себе и поцеловала сама — робко, неумело, но так отчаянно, что у Дениса перехватило дыхание. Его руки обвили её талию, притягивая ближе. Халат распахнулся, обнажая плечи. И он снова увидел синяки — багровые, старые, новые.

— Аня, — прошептал он, останавливаясь. — Я не хочу делать тебе больно. Посмотри на себя.

— Мне уже больно, — ответила она. — Каждый день. Но когда ты рядом — боль уходит. Сделай так, чтобы она ушла совсем.

Он взял её лицо в ладони, поцеловал — медленно, нежно, пробуя на вкус её губы. Его пальцы скользнули по её спине, по каждому позвонку, по каждому шраму, целуя их, будто залечивая. Она выгнулась, застонала, прижимаясь к нему.

— Я боюсь, что сломаю тебя, — прошептал он в её шею.

— Не сломаешь, — ответила она.

Мир за окном исчез. Остались только их дыхание, их тела, их шёпот. И дождь, который бил по стёклам, как будто хотел разбудить их от этого сна. Но они не просыпались. Это был их первый раз — не грубый, не торопливый. Медленный, дрожащий, полный слёз и нежности. Он целовал её так, будто она была самой дорогой вещью в мире, а она вцепилась в него так сильно, что на спине остались следы от её ногтей.

Когда всё стихло, они лежали на диване, укрывшись пледом, и слушали, как дождь за окном переходит в мелкую морось.

— У меня к тебе что-то большее чем симпатия , — прошептал он.

Она не ответила. Она спала, уткнувшись носом в его грудь, и улыбалась во сне. Денис смотрел на неё и чувствовал, что впервые за много лет он не хочет умирать. Он хочет жить. Ради неё.

Глава 4

Ссора

Аня проснулась от запаха жареного хлеба. Она открыла глаза и не поняла, где находится. Потом вспомнила. Вчерашний дождь, пирс, этот диван... Она приподнялась — Денис стоял на кухне, крошечной, с облезлым гарнитуром, и жарил яичницу. На нём были старые спортивные штаны и футболка, волосы мокрые, он что-то насвистывал.

— Проснулась? — он обернулся и улыбнулся. — Завтрак будет через три минуты. Садись.

Аня запахнула халат, встала, подошла к нему со спины и обняла, прижимаясь щекой к его лопаткам.

— Ты пахнешь... домом, — прошептала она.

— Это яичница пахнет, — засмеялся он. — Ну, давай, садись.

Они позавтракали в тишине, глядя друг на друга и улыбаясь. Казалось, что за окном — другой мир, где нет школы, отца, синяков и ненависти. Есть только они вдвоём.

— Нам пора, — сказал он, когда они доели. — Я провожу тебя до чёрного входа. И помни: в школе мы чужие. Пока что. Ты должна быть сильной.

— Я буду, — сказала она, и в голосе звучала уверенность,

которой не было раньше.

Но школа — это не пирс. Школа — это клетка, где правят свои законы.

Аня вошла в школу, и у неё дрожали колени. Но не от страха. От счастья. От того, что она знала: на её коже — следы его губ, в её волосах — запах его квартиры, а внутри — тепло, которого не было никогда.

Она надела чёрное платье — то самое, в котором была на пирсе. Денис отдал ей его высушенным, и оно теперь пахло не дождём, а его стиральным порошком. Она распустила волосы, сняла очки. В зеркале у входа отражалась другая Аня. Она улыбнулась своему отражению и почувствовала, как сердце забилось быстрее при мысли, что она увидит его через минуту.

Она ошиблась.

В коридоре первого этажа было шумно. Толпа столпилась у доски объявлений. Кто-то ржал, кто-то щёлкал телефонами. Аня подошла ближе и увидела, что на доске висит фото. Её фото. С пирса. Они бежали за руки — мокрые, смеющиеся. Это было красиво. Это было страшно. Под фото красным маркером было написано: «Очкарик нашла себе хулигана. Может, теперь её будут бить реже?»

У Ани перехватило дыхание. Кровь отхлынула от лица. Она оглянулась — все на неё смотрели. Лица, Соня, парни из баскетбольной команды. В глазах — злорадство, любопытство, презрение.

— О, Забелина! — закричала Лика на весь коридор. — А мы думали, ты девочка примерная, а ты шашни с хулиганами водишь! Да ещё и на пирсе, при всех! Не стыдно?

Аня хотела исчезнуть. Провалиться сквозь землю. Но где-то внутри — там, где ночью на диване его губы целовали её синяки, — проснулась злость. Она подошла к доске, сорвала фото и разорвала его на мелкие клочки.

— Хватит, — сказала она громко. — Хватит надо мной издеваться. Это моя жизнь. И я не обязана вам ничего объяснять.

Она повернулась и пошла по коридору, чувствуя, как взгляды сотен глаз прожигают спину. Она искала Дениса. Он должен быть здесь, он должен видеть, что она больше не боится, что она готова бороться.

Она нашла его на втором этаже. Он стоял у окна, и рядом с ним вилась Лика. Она что-то шептала ему на ухо, положив ладонь на его грудь. Денис не отстранялся. Он стоял с каменным лицом, но когда он увидел Аню, его глаза дрогнули. В них мелькнула паника. И она поняла: он видел фото. Он всё знает. И он ничего не сделал, чтобы защитить её.

— Денис, — сказала она, подходя. Голос дрожал, но она не отводила взгляда. — Ты видел?

— Видел, — ответил он холодно. — И что?

— Как что? — она не верила своим ушам. — Ты позволил им это сделать? Ты позволил им опозорить меня перед всей школой?

— Забелина, ты сама виновата, — он сказал это так громко, чтобы слышали все вокруг. — Сама пришла на пирс. Я тебя не тащил.

Лица хихикнула. Кто-то из толпы присвистнул.

— Слышали? — крикнула Лица. — Он её не тащил! Она сама пришла к нему под дождь!

Аня смотрела на Дениса. В его глазах была пустота. Та самая, что он надевал, как маску, чтобы никто не видел его боли. Но она знала, что там, под маской, — тот самый мальчик, который плакал у неё на плече. И сейчас он предавал их обоих.

— Ты трус, — сказала она тихо, так, чтобы слышал только он. — Ты просто трус. Ты боишься, что они узнают правду. Что ты не король, а просто разбитый мальчик, который боится, что его полюбят.

Он побледнел. Его кулаки сжались, но он не подошёл, не обнял, не встал на её защиту. Он просто смотрел на неё с ненавистью — или так казалось.

— Забелина, ты никто, — сказал он так громко, чтобы слышали все. — Ты для меня просто игрушка. Иметь тебя — не значит что-то чувствовать. Вали отсюда, пока я не сказал что-то похуже.

Звон стекла разорвал тишину. Аня разбила его телефон. Ударом о стену. Осколки разлетелись по кафелю.

— Теперь ты свободен, — сказала она, глядя ему в глаза с такой ненавистью, что вокруг стало тихо. — Ты хотел, чтобы

я была никем? Ты получил. Я никто. И ты — никто. Мы оба никто.

Она развернулась и пошла к выходу. Она не оглядывалась. Она слышала, как Лика смеётся, как парни перешёптываются, как Денис кричит ей вслед: «Да иди ты, Забелина!»

Она вышла на крыльцо и побежала. Слезы душили её. Она бежала по мокрому асфальту, не чувствуя ног, не чувствуя боли. Она хотела умереть. Потому что тот, кто был её единственным светом, только что погасил его собственными руками.

Глава 5

Примирение

Три дня Аня не ходила в школу. Лежала на кровати, смотрела в потолок и не чувствовала ничего. Мать спрашивала, что случилось, но Аня молчала. Она не могла сказать, что разбитое сердце болит сильнее, чем незаживающие раны после отцовского ремня.

Отец заметил её слезы и только усмехнулся.

— Плачешь, да? — он стоял в дверях с бутылкой водки в руке. — Ничего, это нормально. Бабы всегда плачут, когда их бросают. Я же говорил тебе, что ты никому не нужна. Ты даже для меня обуза.

Аня закрыла глаза и ничего не ответила. Она уже не боялась его. Она боялась только одного — что больше никогда не увидит Дениса. И что она не успела сказать ему самое главное, когда уходила.

На четвёртый день отец перестал сдерживаться. Он влетел к ней в комнату с криком:

— Ты что, собралась на диване гнить, дрянь? Школу прогуливаешь, деньги не зарабатываешь! Иди в магазин, живо!

— Нет, — сказала она. Просто спокойно, без страха. — Я не пойду.

Он замахнулся. Аня зажмурилась. Но удара не последовало. Раздался звонок в дверь. За дверью стоял Денис, он был страшный — растрёпанный, с красными глазами, с разбитыми костяшками.

Из комнаты доносился плач, а когда Денис увидел ремень в руках отца Ани, сразу всё понял.

— Руки убрал от неё, — сказал он так тихо, что мурашки побежали по коже.

— Ты кто такой? — отец попятился.

— Я тот, кто убьёт тебя, если ты ещё раз на неё замахнёшься, — Денис шагнул вперёд. — Я знаю, где ты работаешь, знаю, с кем пьёшь. Я знаю всё. Если я узнаю, что ты поднял на неё руку — я приду к тебе ночью и выдеру тебя с корнем. Ты понял меня?

Отец побледнел. Он смотрел на Дениса, на его дикие глаза и сжатые кулаки, и понял — этот мальчик не шутит. Он швырнул пустую бутылку об пол и, матерясь, ушёл в свою комнату, хлопнув дверью.

Денис повернулся к Ане. Она сидела на кровати, бледная, с мокрыми от слёз щеками. Она смотрела на него и ненавидела. И любила. До безумия.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала она. — Ты же сказал, что я никто.

— Я солгал, — он упал перед ней на колени. — Я не мог иначе. Если бы я признался при всех, они бы разорвали тебя на части. Я хотел защитить тебя. Я не знал, что они уже сде-

лали фото. Я проиграл эту битву. Но я не потеряю войну.

— Ты разбил моё сердце, — сказала она, и слёзы потекли с новой силой. — Ты позволил им смеяться надо мной. Ты сказал, что я игрушка.

— Я идиот, — он взял её руки и прижал к своим губам. — Я больной идиот, который боится сильнее, чем ты. Я боялся, что если покажу, как сильно люблю тебя, они отнимут у меня всё. Но они уже отняли. Я потерял тебя. Я не хочу жить без тебя, Аня. Скажи, что ты простишь меня. Скажи, что я ещё не всё потерял.

Она смотрела в его глаза. В них была такая боль, такая мольба, что её ненависть растаяла. Она протянула руку и коснулась его щеки. Он прильнул к её ладони, целуя её, стирая слёзы губами.

— Я не прошу тебя легко, — прошептала она. — Ты должен заслужить.

— Я заслужу, — сказал он. — Я весь мир переверну ради тебя. Только не уходи. Дай мне шанс.

Она потянула его к себе, и он встал с колен, сел рядом на кровать, прижал её к себе так крепко, что она почувствовала, как бьётся его сердце — бешено, как у пойманной птицы.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Прости меня. Прости меня, глупого идиота.

Аня подняла голову и поцеловала его. Сначала робко, потом всё жаднее, чувствуя его дрожь и свои слёзы. Она зарылась пальцами в его волосы, притягивая ближе. Он уложил

её на кровать, нависая сверху, и начал целовать её везде — глаза, щёки, шею, плечи. Его прикосновения были жадными, отчаянными, как будто он боялся, что она исчезнет.

— Я не исчезну, — прошептала она, глядя в его глаза.
— Я здесь. Я всегда здесь. Просто обещай, что больше не будешь врать.

— Обещаю, — ответил он, сжимая её в объятиях. — Клянусь.

И в этот раз не было боли. Была только страсть, смешанная с нежностью, и любовь, которая пережила предательство. Они лежали на её узкой кровати, переплетённые, сбившиеся в клубок, и слушали, как за окном снова начинается дождь.

— Денис, — прошептала она. — Что теперь будет? — Всё будет хорошо, — ответил он. — Мы справимся. Просто держись за меня. И не отпускай.

Она прижалась к нему крепче, чувствуя его дыхание, его руки, его тепло. Она знала — впереди будет ещё много боли, ещё много битв. Но сейчас, в эту минуту, у неё было всё. И это было главное.

Глава 6

Удар в спину

Денис ушёл поздно вечером. Он долго не хотел отпускать её руку, стоя у двери её комнаты. В коридоре было тихо — отец заперся в своей спальне и не высовывался после той сцены, а мать, как всегда, спала под многосерийные мелодрамы .

— Я не хочу уходить, — шепнул он, прижимая её лоб к своему.

— Нельзя, — тихо ответила Аня, хотя внутри всё кричало от отчаяния. — Если мать увидит, что ты здесь... она может вызвать полицию. Или хуже.

— До завтра, — прошептал он. — Я буду ждать тебя у школы.

Она долго не могла заснуть, чувствуя его тепло на своей коже, слыша его шёпот. Она поцеловала подушку, которая хранила запах его волос, и сердце забилось быстрее.

Утром она оделась в то самое чёрное платье, которое сумела постирать и высушить за ночь, распустила волосы, сняла очки. На её щеке — лёгкий след от его губ, который она не стала прятать. Она больше не боялась.

Когда они встретились у ворот школы, он взял её за руку

— открыто, не прячась.

— Хватит прятаться, — сказал он, сжимая её пальцы. — Если они хотят войны — мы дадим им войну.

— Я не боюсь, — ответила она, и это была правда.

Но школа встретила их звенящей тишиной. Когда они вошли в коридор, все разговоры стихли. Десятки глаз уставились на их сцепленные руки. Кто-то присвистнул, кто-то засмеялся, но большинство просто смотрели с любопытством, злорадством и ненавистью.

— Смотрите, голубки прилетели, — раздался голос Лики. Она стояла у входа в класс, скрестив руки на груди, и улыбалась своей ядовитой улыбкой. — Ветров, ты серьёзно? Ты выбрал её? Эту серую мышь, которую все топчут?

— Закрой рот, Лика, — сказал Денис холодно, не сбавляя шага. — Моя личная жизнь — не твоё дело. — Ой, да ладно, — она шагнула вперёд, преграждая им путь. — Ты думаешь, я не знаю, почему ты с ней? Ты просто жалеешь её. Как и всех убогих. А она думает, что это любовь. Бедная дурочка.

Аня почувствовала, как в груди закипает гнев. Она хотела ответить, но Денис опередил её.

— Лика, я сказал — отвали, — его голос стал тихим и опасным. — Или мне придётся повторить это по-другому.

Лика побледнела и отступила. Она знала, что Денис не шутит. Но в её глазах зажглась ненависть — такая же сильная, как и раньше. Она отступила, но прошептала так, чтобы Аня слышала:

— Ты пожалеешь, Забелина. Ты не знаешь, какое прошлое у твоего «принца». Узнаешь — убежишь.

Аня сжала руку Дениса, чтобы не дрожать. Но внутри поселился холодок. Что она имела в виду?

Первые уроки прошли как в тумане. Учителя делали вид, что ничего не произошло, но Аня чувствовала на себе взгляды — злые, осуждающие. Кто-то шептался, кто-то подкладывал ей на парту записки с оскорблениями. Она сжимала их в кулаке и выбрасывала в мусорку.

На большой перемене Денис куда-то ушёл. Он сказал, что ему нужно поговорить с классным руководителем. Аня осталась одна в коридоре. И тут к ней подошла Соня — подружка Лики, тихая и незаметная, но с хитрыми глазами.

— Слушай, Забелина, — сказала она, оглядываясь по сторонам. — Я знаю, что ты думаешь, что любишь его. Но ты должна знать правду. Про его прошлое.

— Какое прошлое? — насторожилась Аня.

— Ты знаешь, почему он живёт с бабушкой? — Соня понизила голос. — Его отец вскрыл вены, но это не вся правда. Его отец был наркоманом и торговал этим дерьмом. Денис был втянут в это. Он даже сидел в детской колонии — за кражу и сбыт. Слышала? У тебя парень — бывший зек. И он не просто хулиган. Он — преступник. Узнаешь, что ещё он делал, — сбежишь быстрее ветра.

Аня почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она ничего не знала об этом. Денис рассказывал ей только про отца,

но не про колонию, не про наркотики. Её сердце бешено забилось. Она хотела крикнуть, что это ложь, но слова застряли в горле.

В этот момент появился Денис. Он подошёл к ним, и его лицо окаменело, когда он увидел выражение лица Ани.

— Что она тебе сказала? — спросил он, глядя на Соню.
— Вали отсюда.

Соня испарилась. Денис схватил Аню за плечи, заглянул в глаза.

— Аня, что она сказала? Не слушай её, это всё ложь.—
Она сказала, что ты сидел в колонии, — голос Ани дрожал.
— Что твой отец был наркоманом. Что ты...

— Это правда, — перебил он, его лицо стало бледным, как полотно. — Я не хотел тебе говорить, потому что боялся, что ты уйдёшь. Но это не вся правда. Я украл, потому что отец заставлял меня носить его товар. Мне было тринадцать. Меня поймали, я сел на два года. Я исправился, Аня. Я не торгую, не употребляю. Я просто хотел забыть это дерьмо. Ты теперь тоже будешь меня бояться?

Аня смотрела на него. В его глазах была паника, отчаяние, страх. Тот самый страх, который он прятал под маской крутого парня. И в этот момент она поняла: она любит его не за идеальное прошлое. Она любит его за то, что он есть — со всеми его шрамами, ошибками и болью.

— Глупый, — сказала она, положив руку ему на щеку. — Ты думал, что я уйду из-за прошлого? Я не ушла из-за того,

что ты разбил мне сердце. Я не уйду и из-за этого. Ты — это ты. Я принимаю тебя таким. Даже если ты был преступником. Даже если ты убийца. Ты — мой.

Денис притянул её к себе и прижал так сильно, что она едва могла дышать. Он трясся, как в лихорадке.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, что ты есть. Я не знаю, что бы делал без тебя.

— Ты бы выжил, — ответила она, обнимая его. — Но я бы не выжила без тебя.

В этот момент раздался голос директора:

— Забелина, Ветров, зайдите ко мне в кабинет. Срочно.

Они переглянулись. В глазах Дениса мелькнула тревога. Они пошли за директором, чувствуя, что это только начало. Что впереди — ещё большие испытания. Но они были готовы идти вместе.

Глава 7

Призрак прошлого

Кабинет директора пах полиролью, старой бумагой и страхом. Аня сидела на краю стула, чувствуя, как деревянные ножки впиваются в ладони. Денис стоял рядом, положив руку ей на плечо — жест собственнический, защитный. Директор, грузный мужчина с красным лицом и вечно недовольным взглядом, сидел за столом и перебирал бумаги с таким видом, будто решал судьбу мира.

— Ветров, Забелина, — начал он, поднимая на них тяжёлый взгляд. — Вы знаете, что вчера произошёл скандал? Фотография, разбитый телефон, драка в коридоре... Я думал, вы уже поняли, что школа — это не балаган.

— Мы не начинали, — спокойно ответил Денис. — Мы просто защищались.

— Защищались? — директор усмехнулся. — А как же разбитый телефон в школе. Потом ты ворвался в чужой дом. Ты угрожал взрослому человеку! Это, по-твоему, защита?

— Он бил мою девушку, — голос Дениса стал низким и опасным. — Вы хотите, чтобы я стоял и смотрел, как её избивают? Если вы считаете, что это правильно — тогда скажите это мне прямо. Я запишу и отправлю в опеку.

Директор побагровел. Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стояла женщина. Высокая, худая, с тёмными волосами и ярко-красной помадой. Она была одета броско — короткая кожаная куртка, узкие джинсы, каблуки, которые цокали по паркету. Она выглядела чужой в этом казённом пространстве.

— Здравствуйте, — сказала она, окидывая всех взглядом.
— Я — мать Дениса. Елена Ветрова.

Аня почувствовала, как Денис напрягся. Его рука на её плече сжалась до боли. Он смотрел на женщину с такой ненавистью, что у Ани заledenела кровь.

— Мама? — Что ты здесь делаешь?

— Я приехала, сын, — она улыбнулась, но улыбка была фальшивой, как дешёвый маникюр. — Узнала, что у тебя проблемы. Решила помочь.

— Ты ушла, когда мне было семь, — сказал Денис, не повышая голоса. — Ты не звонила, не писала, не интересовалась. И теперь ты приехала «помогать»? С какой стати?

Директор кашлянул, пытаясь вернуть контроль над ситуацией.

— Госпожа Ветрова, мы как раз обсуждали поведение вашего сына. У нас есть основания для исключения.

— Не надо исключать, — сказала она, подходя к столу и кладя на него какую-то бумагу. — Я забираю его из школы. Мы переезжаем. У меня там муж, хороший дом, работа. Де-

нис пойдёт в частную школу.

У Ани всё внутри оборвалось. Она повернулась к Денису, ища в его глазах опровержение. Но он смотрел на мать с таким выражением, будто увидел призрак.

— Ты не можешь. — Я не поеду с тобой.

— Можешь, — холодно ответила мать. — Ты несовершеннолетний. Я — твоя законная опекунша, пока бабушка в больнице. Если я заберу тебя, ты поедешь. Или ты хочешь, чтобы тебя исключили и поставили на учёт в полицию? Ты же знаешь, что у тебя была судимость. В твоём возрасте это приговор.

Денис побледнел. Аня видела, как он сжимает кулаки, как дрожат его плечи. Она взяла его за руку, сжала её изо всех сил, показывая, что она рядом.

— Не смейте, — сказала она тихо, но твёрдо. — Вы не можете его забрать. Он не хочет.

— А ты кто такая? — мать Дениса окинула Аню презрительным взглядом. — Подружка? У вас это серьёзно? В вашем возрасте всё серьёзно, — она усмехнулась. — Денис, это же ребёнок. Дети есть дети. Подумаешь, расстанетесь. У него будет новая жизнь.

— Замолчи, — выкрикнул Денис так громко, что директор вздрогнул. — Ты не имеешь права говорить про неё. Ты меня бросила. Ты не была со мной, когда отец бил меня, когда он резал вены у меня на глазах, когда я сидел в колонии. Где ты была? Ты снова была с каким-то мужиком? И теперь

ты явилась, чтобы «помочь»? Ты хочешь разлучить меня с единственным человеком, который меня любит. Я не поеду. Я лучше убегу, лягу под поезд, но не поеду с тобой.

— Денис, — прошептала Аня, чувствуя, как у неё самой наворачиваются слёзы. — Пожалуйста, не говори так.

Мать Дениса нахмурилась. В её взгляде мелькнуло что-то вроде растерянности, но она быстро взяла себя в руки.

— Ты не исправим, — сказала она. — Но я всё равно забираю тебя. У меня есть права. Ты думаешь, твоя бабушка сможет за тобой смотреть? Она в хосписе. Я подам документы на опеку. Или ты идёшь в детский дом.

В кабинете повисла гробовая тишина. Аня смотрела на Дениса, на его побелевшее лицо, на сжатые челюсти. Она видела, как рушится его мир. И она понимала, что не может этого допустить.

— Я пойду с ним, — сказала она громко, на всю комнату. Все обернулись к ней. — Если вы забираете его в другой город — я тоже поеду. Я не оставляю его. У меня есть бабушка в деревне, она разрешит мне жить у неё. Я не дам ему сло-маться. Он не поедет один.

— Аня, — сказал Денис. — Ты не должна. Это не твоя война.

— Ты — моя война, — ответила она, глядя ему в глаза. — Ты — всё, что у меня есть. Я не отдам тебя.

Мать Дениса рассмеялась — нервно, истерично.

— Какая красивая история! — воскликнула она. — Дети

решили жить вместе. Но на деле ты просто мешаешь ему. Денис, если ты останешься с ней, ты потеряешь всё. Ты уже потерял репутацию, тебя исключат, ты останешься без образования. А я предлагаю тебе шанс. Поехали со мной, и мы начнём всё сначала.

— Я не хочу начинать сначала, — сказал Денис. — Я хочу быть здесь. С ней.

Директор поднялся из-за стола.

— Ветров, ты понимаешь, что если ты не поедешь с матерью, я буду вынужден применить меры? Твоя судимость — это пятно на репутации школы. У тебя есть неделя, чтобы определиться. Либо ты уезжаешь и переводишься, либо мы исключаем тебя без права восстановления. Твоё прошлое — это проблема. И я не могу закрывать на неё глаза.

— Тогда исключайте, — сказал Денис, глядя директору в глаза. — Мне плевать. Эта школа никогда не была мне домом. Только люди в ней.

Он схватил Аню за руку и вышел из кабинета, хлопнув дверью. В коридоре они остановились, прижимаясь друг к другу. Аня плакала навзрыд, а Денис держал её, гладил по голове и шептал:

— Всё будет хорошо. Мы что-нибудь придумаем. Я не дам им нас разлучить. Слышишь? — Я не хочу тебя терять, — рыдала она.

— Не потеряешь, — сказал он. — Я никогда тебя не отдам. Даже если мне придётся биться с целым миром.

Она подняла голову и увидела в его глазах решимость. И поняла: они будут бороться. До конца. Что бы ни случилось.

Глава 8

Прощание

Две ночи подряд они не спали. Денис приходил к Ане, они долго сидели в подъезде, размышляли и пытались найти выход. Но выхода не было. Мать Дениса подала документы на опеку, директор поставил ультиматум: либо перевод, либо исключение, либо детский дом. Денис метался мыслями, сжимая кулаки и шепча проклятия.

— Я не могу уехать, — повторял он снова и снова. — Я не могу бросить тебя, бабушку, всё это.

— А если уедешь, — тихо спросила Аня, — что тогда?

— Тогда я потеряю себя, — он посмотрел на неё так, что у неё сжалось сердце.

Но на третью ночь он пришёл спокойный. Слишком спокойный. Он сел рядом с ней, взял её руки и поцеловал их, долго и медленно.

— Аня, — сказал он. — Я всё решил. Я уезжаю.

Она почувствовала, как мир рушится у неё под ногами. Её сердце пропустило удар, потом забилось бешено, словно пыталось вырваться из груди.

— Что? — прошептала она. — Ты не можешь.

— Могу, — он говорил спокойно, но в его глазах стояла

такая боль, что она не выдержала. — Я уеду с матерью. Она обещала, что если я соглашусь, она не будет подавать в суд на бабушку, не будет забирать квартиру. Она даст деньги на бабушкину операцию. И тебя не тронут. Директор забудет про скандал, ты сможешь учиться спокойно.

— Денис, — она вскочила, слёзы уже текли по щекам. — Ты не можешь так поступить. Я не хочу спокойно учиться. Я хочу быть с тобой! Мы же обещали друг другу!

— Мы обещали, — он встал, подошёл к ней и взял её лицо в ладони. — И я люблю тебя. Поэтому я это делаю. Если я останусь, ты пострадаешь. Твой отец найдёт способ тебя наказать, школа сожрёт тебя, у тебя не будет будущего. А если я уеду, ты сможешь жить. Закончишь школу, поступишь, станешь кем-то. А я... я найду способ вернуться. Через год. Два. Я обещаю.

— А если не найдёшь? — рыдала она. — Если забудешь? Если встретишь кого-то другого?

Он притянул её к себе, прижал так сильно, что она едва могла дышать.

— Я не забуду, — сказал он. — Ты — моё сердце. Я не могу забыть своё сердце. Даже если я буду за тысячу километров, я буду думать о тебе каждую минуту. Каждую секунду. И я вернусь. Клянусь своей жизнью.

— Я не отпущу тебя, — всхлипнула она, вцепившись в его футболку. — Я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Аня, — он поцеловал её мокрые щёки, глаза, губы.

— Посмотри на меня. Я люблю тебя. И поэтому я должен уехать, чтобы ты была в безопасности. Поверь мне, это самое трудное, что я делал в своей жизни. Но я это делаю ради нас. Ради того, чтобы у нас было будущее.

Она смотрела в его глаза и видела, как он сам разрывается на части. Она знала, что он не врёт. И это было тяжелее всего.

— Когда? — спросила она хрипло.

— Завтра. В восемь утра. Поезд на Москву.

— Я буду там, — сказала она. — Я приду. Я провожу тебя.

— Я не могу уехать, не попрощавшись по-настоящему, — сказал он хрипло. — Пошли со мной. Последний раз.

Она взяла его за руку, и они выскользнули из дома, пока родители уже спали. Город только засыпал — мокрый от вечернего дождя, с редкими прохожими. Они шли молча, переплетя пальцы, и каждый шаг отдавался эхом в пустых улицах.

Они пришли в его квартиру. Старый продавленный диван, пыльное пианино, запах сухих трав. Денис закрыл дверь, повернулся к ней, и в его глазах стояла такая боль, что у Ани перехватило дыхание.

— Я не хочу уезжать, — прошептал он. — Я хочу остаться с тобой. Навсегда.

— Тогда не уезжай, — вырвалось у неё.

— Не могу, — он покачал головой. — Если я останусь, мы оба сгорим. Я не позволю тебе погибнуть из-за меня.

Она подошла к нему, положила ладони ему на грудь, чув-

ствуя, как бешено бьётся его сердце.

— Тогда давай проживём эту ночь так, будто она последняя, — сказала она. — Всю ночь. До самого восхода солнца.

— Аня... — выдохнул он.

— Никаких «но», — перебила она. — Я хочу запомнить тебя таким. Не уходящим, а моим. Хотя бы на несколько часов.

Он притянул её к себе, впился в её губы жадным, отчаянным поцелуем. В нём не было нежности — была только безумная страсть, смешанная с болью разлуки. Он подхватил её на руки и отнёс на диван, укрывая своим телом, как щитом.

— Ты даже не представляешь, что ты для меня значишь, — шептал он между поцелуями. — Ты — единственный свет в моей тьме.

— А ты — мой, — отвечала она, вцепляясь в его волосы.

Их близость была неспешной, будто они боялись спугнуть мгновение. В глазах стояли слёзы — не от боли, а от того, как много нужно было сказать без слов. Каждое прикосновение становилось прощанием, каждый выдох — обещанием, которое они давали друг другу. Он целовал её плечи, шею, пальцы, стараясь запечатлеть в себе каждую черту, каждый миллиметр её тепла. Она шептала его имя — тихо, бережно, как самое сокровенное. Весь мир за окном перестал существовать. Были только они и эта ночь, длившаяся целую вечность.

Когда за окном начало сереть, они лежали, переплетённые, слушая, как город просыпается. Денис гладил её волосы и тихо говорил:

— Я вернусь. Через год. Через два. Но я вернусь. И когда я приеду — мы уже никогда не расстанемся. Слышишь?

— Слышу, — прошептала она. — Я буду ждать. Сколько нужно.

— Обещай, что будешь жить, — он заглянул ей в глаза. — Что не сдашься, не сломаешься. Ради меня. — Обещаю, — ответила она. — Только ты тоже обещай. Что бы ни случилось — ты вернёшься.

— Клянусь, — сказал он и поцеловал её в лоб.

Они оделись, когда солнце уже поднялось над крышами. Денис взял рюкзак, Аня — его старую футболку, которую он отдал ей на память. Они стояли на пороге его квартиры, и тишина была тяжелее тысячи слов.

— Мне пора, — сказал он.

Она кивнула, чувствуя, как слёзы душат её.

— Я не пойду на вокзал, — прошептала она. — Я не смогу смотреть, как ты уходишь.

— Я знаю, — он прижал её к себе в последний раз, так крепко, что она почти не могла дышать. — Я люблю тебя, Аня. Больше жизни. Никогда не забывай.

— Я никогда не забуду, — ответила она.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу, Денис резко остановился, поцеловал её в последний раз — долго, глу-

боко, с привкусом слёз. Потом развернулся и пошёл, не оборачиваясь. Аня стояла на улице, глядя, как его фигура исчезает за поворотом. И вскоре он исчез.

Она села на лестницу, слёзы лились градом, она зажимала рот рукой, чтобы не закричать. Единственное, что осталось у неё — его футболка, пахнувшая им, и обещание, которое она должна была сдержать.

— Обещаю, — прошептала она.

Глава 9

Год без тебя

Первый месяц без Дениса был похож на жизнь в вакууме. Звуки доносились приглушённо, цвета потускнели, еда потеряла вкус. Аня ходила в школу, садилась за парту, открывала тетради, но не видела ни букв, ни цифр. Перед глазами стояло его лицо, в ушах звучал его голос, а на коже горели следы его губ.

Она перестала есть. Мать не замечала — она всё так же сидела на кухне с бутылкой портвейна и смотрела свои сериалы. Отец заметил, но только усмехнулся:

— Сдохнешь — меньше проблем.

Аня не отвечала. Ей было всё равно. Она ложилась на кровать, сжимала его футболку, вдыхала запах, который с каждым днём становился всё слабее, и плакала в подушку. Иногда она не плакала — просто лежала и смотрела в потолок, считая трещины. Ей казалось, что сердце перестало биться. Или билось, но слишком тихо, чтобы это имело значение.

Школа стала адом. Лика и её подруги не упускали случая напомнить о том, что она осталась одна.

— Ну что, Забелина, — шептала Лика на перемене, наклоняясь к её уху, — твой хахалик свалил? Бросил? Или ты

сама его прогнала, когда узнала, что он уголовник?

Аня молчала. Сжимала кулаки под партой так, что ногти впивались в ладони, но не отвечала. Внутри неё больше не было сил на борьбу. Была только пустота.

Однажды она не выдержала. На большой перемене Лика подошла с компанией и вылила на неё стакан воды. Смех, щелчки телефонов, крики: «Очкарик плачет! Смотрите, она плачет!»

Аня встала. Медленно, как в тумане. Подошла к Лике, схватила её за руку и сжала так сильно, что та вскрикнула.

— Ещё раз, — сказала Аня тихо, но в голосе зазвенела сталь, которой раньше не было, — ты подойдёшь ко мне, я тебя убью. Прямо здесь, в коридоре, при всех. Я сяду в тюрьму, но убью. Ты поняла?

Лика побледнела. Она попыталась вырваться, но Аня держала её мёртвой хваткой.

— Ты что, с ума сошла? — прошипела Лика. — Пусти!

— Поняла? — повторила Аня, глядя ей в глаза. В её взгляде не было страха. Была только холодная ярость.

— Поняла, — выдавила Лика.

Аня разжала руку. Лика поспешно отступила, схватив подруг, и они исчезли за углом. Аня стояла посреди коридора, и впервые за долгие недели она чувствовала не пустоту, а что-то другое. Злость. Живую, настоящую злость, которая давала ей силы.

Она поняла, что Денис был прав. Он уехал, чтобы она ста-

ла сильной. И она станет. Ради него. Ради того, чтобы он вернулся и увидел, что она выжила.

Месяц второй. Она записалась в секцию бокса. Это была идея Лены — новой подруги, которая появилась в её жизни неожиданно. Лена училась в параллельном классе, была тихой, но умной и цепкой, как блоха. Она подошла к Ане в столовой, когда та сидела одна и тупо ковыряла вилкой в тарелке.

— Привет, — сказала Лена, садясь напротив. — Я Лена. Я видела, как ты отшила Лику. Круто было. Ты вообще крутая, просто сама не знаешь.

Аня подняла на неё глаза. Она не хотела ни с кем общаться. Но в голосе Лены не было жалости — было уважение.

— Я не крутая, — ответила Аня. — Я просто устала.

— Значит, тем более надо что-то менять, — сказала Лена. — Пошли со мной на бокс. Там наш тренер — зверь, но после тренировки ноги не чувствуешь, и вся дурь из головы вылетает. Проверено.

Аня не хотела. Но внутри что-то щёлкнуло. Денис говорил ей быть сильной. Может, это шанс.

Она пошла. В первую же тренировку она упала, разбила колено и чуть не расплакалась от боли. Но когда она поднялась и увидела в зеркале своё покрасневшее лицо, она улыбнулась. Впервые за два месяца.

Тренер оказался мужиком с железными кулаками, но доб-

рым сердцем. Он подошёл к ней после занятия и сказал:

— Ты дерёшься, как будто хочешь убить кого-то. Это хорошо. Но не забывай дышать. Без дыхания нет силы.

Аня кивнула. С этого дня она ходила на тренировки через день. Каждый удар по груше был ударом по её страхам. Каждый синяк — напоминанием, что она жива. Она стала крепче, увереннее, и на лице появился румянец. В школе перестали её трогать — чувствовали, что она больше не жертва.

Месяц шестой. Она стала другой. Сменила причёску — сделала дерзкую стрижку до плеч. Начала одеваться ярче — не для других, для себя. Её отец пытался снова поднять на неё руку, но она взяла его за запястье и сказала:

— Ещё раз дотронешься — я позвоню в полицию. У меня есть доказательства. И плевать, что ты мой отец.

Он попятился. Впервые в жизни он увидел в её глазах не страх, а холодную решимость. С этого дня он обходил её стороной. Аня перестала бояться своего дома. Она просто жила в нём, как в гостинице, ждала, когда можно будет уйти.

И всё это время она ждала весточки от Дениса.

Поначалу она ждала звонка, сообщения, письма. Но дни проходили, и тишина становилась всё громче. Она знала, что его мать контролирует его, что у него нет денег на телефон. Она пыталась найти его через соцсети, но все профили были удалены. Это было похоже на то, как если бы он исчез с лица земли. Внутри неё поселился холодный страх: вдруг он

забыл? Вдруг он решил не возвращаться?

Но каждый вечер она доставала его футболку, прижимала к груди и шептала:

— Я верю. Ты придёшь. Ты обещал.

Месяц восьмой. Она получила письмо. Оно пришло по почте, на её имя, без обратного адреса. Конверт был мятым, с какими-то жирными пятнами. Она узнала его почерк — резкий, с наклоном, каким он писал в школьных тетрадях.

Руки дрожали, когда она вскрывала конверт. Внутри лежал один листок, исписанный до краёв.

«Аня, родная. Я пишу это через общего знакомого. Не знаю, дойдёт ли письмо, но я должен попробовать. Я скучаю так, что не могу дышать. Каждую ночь я вижу твоё лицо. Каждое утро я просыпаюсь с мыслью о тебе. Мать держит меня в заложниках — забрала паспорт, не даёт телефон, контролирует каждый шаг. Я учусь в частной школе, но это не школа — это тюрьма. Я ненавижу этот город, ненавижу её, ненавижу себя за то, что уехал. Но я коплю деньги. Я подрабатываю вечерами тренером по баскетболу. У меня есть план: через полгода я заканчиваю школу, мне исполняется 18, и я смогу уйти от матери. Я приеду к тебе. Обещаю. Осталось совсем немного. Ты — единственное, что держит меня на плаву. Если бы не ты, я бы сдох здесь. Знай, что я люблю тебя. Больше, чем жизнь. Держись. Ты сильная. Ты справишься. Скоро увидимся. Твой Денис».

Аня читала письмо раз за разом, пока строчки не расплылись от слёз. Она прижала бумагу к груди, как когда-то футболку, и заплакала — впервые за последние месяцы не от отчаяния, а от надежды.

Она вышла на балкон и посмотрела на ночное небо. Где-то там, за тысячи километров, он тоже смотрел на те же звёзды. Она знала это. Чувствовала кожей.

— Я буду ждать, — прошептала она. — Я всегда буду ждать тебя.

Месяц одиннадцатый. Аня готовилась к выпускным экзаменам. Учёба была единственным, что последние месяцы давались ей особо легко — в её голове всегда был порядок. Она подала документы в два университета в своём городе и ещё в один в Москве. На всякий случай. Вдруг Денис окажется там.

Она дружила с Леной, ходила на бокс, почти не боялась отца. Её мать начала что-то замечать — разбухшая, сонная, она иногда смотрела на дочь с тенью уважения.

— Ты стала другой, — сказала мать однажды, когда они случайно столкнулись на кухне. — Я рада за тебя. Прости, что я не ушла от него раньше. Я была слабая.

— Я не злюсь на тебя, — ответила Аня. — Я просто перестала ждать, что ты изменишься. Это помогает.

Мать кивнула и вышла. Аня не чувствовала ни боли, ни обиды. Только лёгкую грусть. Жизнь шла дальше.

На выпускном она стояла на сцене в белом платье, с медалью за отличную учёбу. В зале сидели учителя, родители, одноклассники. Лика и Соня смотрели на неё с завистью. Аня улыбнулась в объектив фотоаппарата. Она знала, что это фото когда-нибудь увидит Денис.

Она не танцевала с парнями, не пила шампанское. Она вышла на крыльцо и села на ступеньки, глядя на вечерний город. Звёзды уже загорались на небе.

— Сегодня ты тоже думаешь обо мне? — спросила она у ночи.

Ответа не было. Но она знала — где-то там он думает. И это грело её сердце, которое за этот год превратилось из стеклянного в стальное.

День её рождения. Ей исполнилось восемнадцать. Она не планировала праздновать — просто купила маленький пирог в магазине, зажгла свечу и загадала желание. Одно-единственное.

— Пусть он вернётся, — прошептала она и задула свечу.

В этот момент раздался звонок в дверь. Аня вздрогнула. Отец пил на кухне, мать спала. Она пошла открывать, ожидая увидеть Лену с подарком. Но на пороге стоял он. И в ту секунду время перестало существовать.

Глава 10

Возвращение

Аня стояла на пороге и не верила своим глазам. Она смотрела на него — на Дениса, который стоял перед ней, живой, настоящий, с тёмными кругами под глазами, с отросшими волосами, в старой куртке, которую она помнила ещё с прошлого года. Он выглядел уставшим, похудевшим, но его глаза — те самые, чёрные, глубокие — горели тем же огнём, что и тогда, на пирсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.